

Из истории русского языка

Пушкин, Гоголь и Бова: аллюзии к лубочной литературе в произведениях русской классики

Александра Андреевна Плетнева, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Россия, Москва), apletneva@list.ru

DOI: 10.31857/S013161170003976-2

АННОТАЦИЯ: Статья посвящена проблеме влияния народной (лубочной) литературы на тексты русских классиков. В XIX веке лубочные издания были широко распространены. Они были любимым чтением крестьян и мещан и фактически играли роль массовой литературы. Русские классики использовали сюжеты и словесные клише лубочной литературы. Современники прекрасно опознавали подобные заимствования, а вот для потомков такие связи не являются очевидными. В статье анализируются лубочные источники повести Н. В. Гоголя «Нос» и «Сказки о царе Салтане» А. С. Пушкина. Пушкин и Гоголь обращались к лубочной литературе с разными целями. Используя лубочный лист «Повесть о носе и сильном морозе», Гоголь интересовался сюжетом, ситуацией, когда нос перестает быть частью человеческого тела и превращается в самостоятельного субъекта. Подход Пушкина совершенно иной. Он видел в лубочной литературе тот образец народной словесности, который позволил бы литературному языку освоить новые стилистические возможности. Поэтому его интересуют не столько сюжетные ходы, сколько отдельные выражения, каламбуры и клише.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: лубок, русская литература, народная словесность, массовая культура, массовая литература, источники текста, заимствования, фольклор

для цитирования: Плетнева А. А. Пушкин, Гоголь и Бова: аллюзии к лубочной литературе в произведениях русской классики // Русская речь. 2019. № 1. С. 74–87. DOI: 10.31857/S013161170003976-2.

From the History of the Russian Language

Pushkin, Gogol and Bova: Allusions to Popular Print Literature in the Works of Russian Classics

---

Alexandra A. Pletneva, Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Science (Russia, Moscow), apletneva@list.ru

---

ABSTRACT: This article examines the influence of folk (lubok) literature on the texts of the Russian classics. Lubok prints were very popular in the nineteenth century. They were known as a favorite reading for peasants and burgers, and in fact, were considered as a public literature. Russian classical authors derived stories and clichés from the lubok literature. These borrowings were successfully identified by our contemporaries, but not by descendants. This article analyzes the lubok roots of Gogol’s novel “The Nose” and “The Tale of Tsar Saltan” by A. S. Pushkin. Pushkin and Gogol used lubok literature for different purposes. Using the lubok print “The Tale of The Nose and The Severe Frost”, Gogol was interested in the plot, the situation when the nose ceased to be a part of the human’s body and became an independent subject. Pushkin used the other way. Lubok literature was considered to be as a sample of the folk literature, that would enrich the literary language by developing new stylistic features. Therefore, he was not interested in the plot, but in some expressions, wordplays and clichés.

KEYWORDS: lubok, Russian literature, folk literature, mass culture, mass literature, text sources, borrowings, folklore

FOR CITATION: Alexandra A. Pletneva. Pushkin, Gogol and Bova: allusions to popular print literature in the works of russian classics. Russian Speech = Russkaya Rech’. 2019. No. 1. Pp. 74–87. DOI: 10.31857/S013161170003976-2.

I.

Потомки воспринимают художественный текст не так, как современники. Современнику проще. У него с автором произведения общий контекст и культурный фон, он легко узнает намеки и скрытые цитаты, отсылающие к общеизвестным фактам или фразам. Произведения-однодневки уходят вместе с контекстом, который делал их понятными. Если же текст остается актуальным для читателя и постепенно приобретает черты литературной классики, то спустя столетие в восприятии этого текста происходят определенные сдвиги. Комментарии помогают здесь лишь частично. Дело в том, что комментаторы относительно легко отлавливают малопонятные реалии, относящиеся к «большой истории». Это политические события, литературная полемика, аллюзии к культурно значимым текстам. А вот с реалиями повседневной жизни все бывает намного сложнее. Хотя надо отметить, что за последние полвека, благодаря тому влиянию, которое оказала на гуманитарную науку школа «Анналов», исследователи научились комментировать особенности быта или, по крайней мере, осознали, что реалии повседневной жизни нуждаются в объяснениях. Обилие исследований по истории повседневности дало материал для составления соответствующих комментариев.

Куда больше проблем возникает, когда текст тем или иным образом отсылает к реалиям массовой культуры, хорошо известной современникам, но совершенно забытой потомками. Приведу лишь один пример. В поэме Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» имеется описание книжной торговли. Торгующий книгами купец «спустил по сотне Блюхера, / архимандрита Фотия, / разбойника Сипко, / сбыл книги: «Шут Балакирев» / и «Английский милорд»...» [Некрасов V: 34]. Читателю XX–XXI вв. перечисленные Некрасовым названия ничего не говорят, и он плохо понимает, почему эти неизвестные никому издания противопоставляются Белинскому и Гоголю, книги которых, по мысли автора, крестьяне должны были бы унести с базара домой. Между тем у современников Некрасова эти названия были на слуху. Лубочные портреты прусского генерал-фельдмаршала Г.-К. Блюхера печатались в разных вариантах и были очень широко распространены. Архимандрит Новгородского Юрьева монастыря Фотий (Спасский) пользовался в народе большой популярностью, офени разносили его портреты по всей стране. «Повесть о приключении аглицкого милорда Георга и о брандебургской маркграфине Фридерике Луизе» — это лубочная обработка повести, составленной где-то в середине XVIII века, которая неоднократно переиздавалась вплоть до 1918 года. Сборники анекдотов о И. А. Балакиреве, ставшем при Анне Иоанновне шутком, и истории об авантюристе, выдававшем себя за капитана И. А. Сипко, также

издавались много раз большими тиражами [Плетнева 2013: 36–37]. Таким образом, перед нами достаточно традиционные сетования литератора на то, что народ предпочитает качественной литературе легковесные тексты развлекательного характера. Подобные жалобы (народ смотрит безвкусные сериалы, читает Дарью Донцову и т. д.) можно услышать и сегодня.

Прежде чем перейти к конкретному материалу, показывающему, как влияла лубочная литература на произведения русской классической литературы, нужно пояснить, что такое лубочная письменность и чем она нам интересна. Лубки, или народные картинки, появились в России во второй половине XVII в., а в последующие столетия получили огромное распространение, превратившись в массовую народную литературу. Соединение изображения и текста отвечало эстетическим и познавательным потребностям читателей. Язык лубка был более понятен грамотным крестьянам и мещанам, чем язык «высокой» словесности¹. Лубочные книги и листы формировали массовые представления об окружающем мире. Их тиражи на порядок превосходили тиражи, которыми издавались произведения русской классической литературы. Известно, что тираж пушкинского «Современника» не превышал 600 экземпляров, в то время как презируемые образованными людьми лубочные листы распространялись в десятках тысяч экземпляров [Гессен 1930: 142–143; Гриц и др. 2001: 13–16]. А ведь тираж и количество переизданий — наглядные свидетельства популярности издания. Житель России мог не слышать имени Пушкина, но о Бове-королевиче, Еруслане Лазаревиче или Бобелине он знал наверняка. При этом массовая лубочная письменность являлась тем фоновым знанием, наличие которого русские классики предполагали у своих читателей. Для потомков же аллюзии к лубочным текстам оказываются совершенно непонятными. Ниже мы проиллюстрируем это положение, опираясь на хрестоматийные произведения Н. В. Гоголя и А. С. Пушкина.

II.

Читатель XX–XXI вв. видит в сюжете гоголевского «Носа» образец яркой фантазии. Едва ли кому придет в голову объявить его банальным. Поэтому весьма неожиданными кажутся слова Н. Г. Чернышевского, который, полемизируя с критиками, сравнивавшими Гоголя с Гофманом, писал, что Гоголь не изобретал сюжетов, а лишь пересказал общеизвест-

---

¹ О социолингвистической ситуации в России в связи с функционированием народной книжности см.: [Плетнева 2013: 25–45].

ный анекдот. «С Гофманом, — писал Чернышевский, — у Гоголя нет ни малейшего сходства: один сам придумывает, самостоятельно изобретает фантастические похождения из чисто немецкой жизни, другой буквально пересказывает малорусские предания (“Вий”) или общеизвестные анекдоты (“Нос”») [Чернышевский 1953: 141]. Какой же общеизвестный современникам анекдот пересказывает здесь Гоголь?

В литературе, посвященной гоголевскому «Носу», вопрос источников сюжета этой повести обсуждался неоднократно. В качестве источников и параллелей называли «Жизнь и мнения Тристрама Шенди» Стерна, «Необычайные приключения Петера Шлемиля» Шамиссо и «Приключения накануне Нового года» Гофмана [Манн 1996: 76]. Однако ни в одном из приводимых исследователями текстов нос как самостоятельное действующее лицо не встречался. Так что объяснить, как Чернышевский увидел в сюжете «Носа» общеизвестный анекдот, не удавалось. Предпринимались попытки возвести сюжет гоголевского рассказа к газетным заметкам о «ринопластике», о том, как человек с отрезанным носом бежит к врачу, медицина совершает чудо и нос оказывается пришитым на прежнее место [Виноградов 1976: 10–13]. Но и эти истории не давали внятных и очевидных параллелей.

Ситуация изменилась после того, как сюжет гоголевской повести удалось соотнести с лубочным листом «Похождения о носе», выдержавшим со второй половины XVIII века по 30–40-е годы XIX века не менее пяти изданий². Картинка включает два отдельных изображения. На левой стороне листа изображен Нос в виде человека, одетого в легкий шутовской костюм, башмаки, колпак и колокольчик. Нос беседует с Морозом, который тоже представлен в виде человека, одетого в куртку и широкие штаны. На другой половине листа те же персонажи изображены на фоне кабака, но теперь Нос стоит перед Морозом подбоченясь, а Мороз замахивается на него дубиной. Это изображение сопровождается длинным текстом в стихах, которые мы пересказываем вкратце. Дав общее описание сцены («случилось носу тепломъ похвалитца / будто смѣлость имѣть с морозом бранитца / вдрукъ зделался велокои морозъ / выскочиль противъ ево красной носъ»), автор воспроизводит театрализованный диалог Мороза и Носа. Нос заявляет, что он не верит в силу Мороза («якобы онъ техъ жестоко знобить, которой носъ табакомъ набить») и не признает его власть. Он хвастается: «никогда отъ того морозу не хоронюся / ежели бь онъ здесь былъ я с нимъ побронюся». Возмущенный речью Носа, Мороз его укусил, в результате чего «пошелъ из носу табакъ / бросился носъ ско-

² Подробнее о соотношении гоголевского носа с лубочным текстом см.: [Плетнева 2003].

в мундире, шитом золотом, с большим стоячим воротником; на нем были замшевые панталоны; при боку шпага. По шляпе с плюмажем можно было заключить, что он считался в ранге статского советника. По всему заметно было, что он ехал куда-то с визитом. Он поглядел на обе стороны, закричал кучеру: “Подавай!” — сел и уехал. Бедный Ковалев чуть не сошел с ума. Он не знал, как и подумать о таком странном происшествии. Как же можно в самом деле, чтобы нос, который еще вчера был у него на лице, не мог ездить и ходить, — был в мундире! [Гоголь III–IV: 42–43]».

По всей видимости, с лубочной картинкой связана и трижды появляющаяся в повести Гоголя тема нюхательного табака. Парикмахер нюхает табак, пока бреет майора Ковалева. Когда Ковалев после разговора с собственным носом останавливается, чтобы полюбоваться молодой дамой, за его спиной «остановился и открыл табакерку высокий гайдук с большими бакенбардами». И наконец, известная сцена, когда чиновник в знак сочувствия предлагает Ковалеву понюхать табак: «Сам чиновник, казалось, был тронут затруднительным положением Ковалева. Желая сколько-нибудь облегчить его горечь, он почел приличным выразить участие свое в нескольких словах:

— Мне, право, очень прискорбно, что с вами случился такой анекдот. Не угодно ли вам понюхать табачку? это разбивает головные боли и печальные расположения; даже в отношении к геморроидам это хорошо. <...>

Этот неумышленный поступок вывел из терпения Ковалева.

— Я не понимаю, как вы находите место шуткам, — сказал он с сердцем, — разве вы не видите, что у меня именно нет того, чем бы я мог понюхать? Чтоб черт побрал ваш табак!» [Гоголь III–IV: 49].

Как мы помним, в лубочной истории тема табака возникает дважды: «пошешь из носу табакъ, бросился носъ скоро на кабакъ» и «якобы онъ техъ жестоко знобить, которой носъ табакомъ набить».

Если мы говорим о влиянии лубка на сюжет гоголевской повести, то следует ответить на вопрос, а действительно ли Гоголь знал лубочную книжность. Ответ на этот вопрос, несомненно, будет положительным. Если в самом «Носе» нет прямых упоминаний лубка, то в повести «Портрет», которая в цикле «Петербургских повестей» идет сразу после «Носа», в самом начале находится подробное описание картинной лавочки на Щукином дворе. Здесь продавались лубки. Гоголевский текст содержит упоминание лубочных листов, хорошо известных исследователям. Здесь и Миликтриса Кирбитовна, мать Бовы-королевича, и популярные описания святынь Иерусалима, и Еруслан Лазаревич, и братья Фома и Ерема.

Как известно, первая публикация «Носа» в журнале «Современник» сопровождалась редакционным комментарием, автором которого был

А. С. Пушкин: «Н. В. Гоголь долго не соглашался на напечатание этой шутки; но мы нашли в ней так много неожиданного, фантастического, веселого, оригинального, что уговорили его позволить нам поделиться с публикою удовольствием, которое доставила нам его рукопись» [Гоголь III–IV: 486]. Современный читатель, для которого неочевидна связь этой повести с развлекательной народной литературой, едва ли увидит в этой повести веселую шутку.

III.

Если влияние лубочной письменности на Н. В. Гоголя ограничивается сюжетными ходами, то А. С. Пушкин использовал не только лубочные сюжеты, но внимательно относился и к словесным формулам народной литературы, используя их в текстах своих сказок³. Прежде чем мы перейдем к анализу конкретного материала, следует высказать несколько замечаний, связанных с темой влияния народной культуры на творчество Пушкина. С одной стороны, интерес Пушкина к народной словесности общеизвестен, с другой — установить источники, благодаря которым Пушкин знакомился с народной словесностью, очень трудно. В ситуациях, когда установить источники влияния невозможно, обычно ссылаются на рассказы Арины Родионовны, хотя подобные ссылки, конечно же, являются не решением источниковедческой задачи, а формой ухода от такого решения.

При поиске точек соприкосновения литературных текстов с фольклором имеет смысл обращаться к лубочной литературе. Лубок играл роль письменного посредника, знакомящего представителей образованных сословий с фольклорными текстами. По мере изучения лубочной письменности нам еще предстоит обнаружить немало параллелей с произведениями русской классической литературы. Приведем лишь один пример, относящийся не к литературе, а к лексикографии. Мы привыкли считать словарь Владимира Даля словарем диалектным, основанным исключительно на полевых записях составителя. Между тем известно, что Даль собрал одну из лучших коллекций лубочных листов, которые, несомненно, использовал при работе над словарем. В результате этот словарь оказывается незаменимым при чтении лубочных текстов.

Интерес Пушкина к лубочным сказкам был также связан с тем, что он видел в них способ расширения возможностей литературного языка. Характерно, что Пушкин с большим сочувствием относился к «Сказкам ка-

---

³ Развернутое изложение и анализ материала, связанного с влиянием лубочной письменности на творчество Пушкина, см.: [Плетнева 2016].

зака Луганского» В. И. Даля, который стремился ввести в литературный язык слова и обороты, заимствованные из народной письменности. В своих воспоминаниях о встрече с поэтом Даль приводит его высказывание о языке сказки и вообще о русском литературном языке. «Сказка сказкой, — говорит Пушкин, — а язык наш сам по себе, и ему-то нигде нельзя дать этого русского раздолья, как в сказке. А как это делать? Надо бы сделать, чтобы выучиться говорить по-русски и не в сказке» [Майков 1899: 418].

О прямом влиянии лубочной литературы на творчество Пушкина хорошо известно. В первую очередь здесь нужно назвать неоконченную лицейскую поэму «Бова». Как известно, «Сказка о Бове-королевиче» относилась к числу наиболее популярных лубочных сказок и печаталась в огромном количестве экземпляров. Именно к ней восходят имена персонажей пушкинских сказок: царь Салтан (в лубочной сказке он Салтан Салтанович), Гвидон, Дадон. Со сказкой о Бове связана и сцена отравления царевны в «Сказке о мертвой царевне».

Сказка о мертвой царевне⁴

Черной зависти полна,
Бросив зеркальце под лавку,
Позвала к себе Чернавку
И наказывает ей,
Сенной девушке своей...

Пес на яблоко стремглав
С лаем кинулся, озлился,
Проглотил его, свалился
И издох. Напоено
Было ядом, знать, оно.

Сказка о Бове⁵

Прекрасная королева Милитриса Кирбитовна, вшед в королевския палаты, начала месить два хлебца своими руками во змеином сале на пшеничном тесте и, испекши, послала их с девкою чернавкою. Оная принесла и, отдаючи, говорит: «Государь Бова-королевич не моги от матери своей хлеба есть, отдай ты то псам». Бова принял хлебы, бросил, и как съели их псы, то разорвало псов от черного хлеба.

Мы видим, что отравительница-чернавка (то есть смуглянка) лубочной сказки у Пушкина превратилась в служанку по имени Чернавка⁶. В обоих текстах отравленное лакомство съедает пес (в лубочной сказки — псы), после чего умирает.

Еще одним источником, повлиявшим на пушкинские тексты, стала «Повесть о Еруслане Лазаревиче», которой мы обязаны именем главного героя поэмы «Руслана и Людмилы». Влиянием этой сказки объясняется

⁴ [Пушкин 1977–1979, IV: 346, 353].

⁵ [Ровинский I: 88].

⁶ Имя Чернава («сестра Чернава») присутствует и в Сборнике Кирши Данилова [Кирша Данилов 1977: 203].

и эпизод с говорящей богатырской головой, которая охраняет волшебный меч. Объяснить этот эпизод прямым влиянием фольклора нельзя, поскольку в русском фольклоре нет упоминаний о живущей отдельно от тела богатырской голове [Капица 2012: 6].

Более интересными являются случаи, когда Пушкин берет из народной письменности не сюжетные ходы и имена, а характерные выражения и словесные формулы. Посмотрим, как это происходило при работе над «Сказкой о царе Салтане». Традиционно происхождение «народных» элементов в этой сказке связывалось с прямым влиянием устного народного творчества. Но поскольку достоверная информация о том, какие фольклорные тексты мог слышать Пушкин, отсутствует, все эти построения имеют гадательный характер. Между тем, если сравнить пушкинскую сказку с лубочной «Сказкой о трех королевнах, родных сестрах»⁷, мы обнаружим не только сюжетные пересечения, но и схождения на уровне слов. Рассмотрим несколько фрагментов.

Сказка о царе Салтане⁸

И царицу в тот же час
В бочку с сыном посадили,
Засмолили, покатили
И пустили в Окиян —
Так велел-де царь Салтан.

Сказка о трех королевнах⁹

Король... послал к верховному своему
министр[у] повеление, чтобы он до его
приезда жену его и з двумя рожденны-
ми сынами посадил в бочку, засмолил
и пустил их по морю.

В приведенном отрывке «Сказки о царе Салтане» присутствует пять глаголов, в лубочном тексте — четыре. Причем три из них (посадить, засмолить, пустить) встречаются в одинаковом порядке и в лубочной сказке, и у Пушкина. Такое совпадение, конечно же, не является случайным и свидетельствует о том, что Пушкин читал «Сказку о трех королевнах» и помнил ее текст.

По всей видимости, влиянием «Сказки о трех королевнах» объясняется и появление строк «и растет ребенок там / не по дням, а по часам». В лу-

⁷ В пушкинские времена этот текст существовал в двух версиях: гравированной (здесь он имеет заглавие «Сказка о трех королевнах, родных сестрах» [Ровинский I, № 46]) и книжной (этот текст был напечатан в 1795 году в сборнике «Старая погудка на новый лад, или Полное собрание древних простонародных сказок» под заглавием «Сказка о Катерине-Сатериме» [Старая погудка 1795: 27–32]). Текстуально эти публикации совпадают, различаясь лишь на уровне орфографии. Установить, в какой версии — книжной или гравированной — читал Пушкин эту сказку, невозможно, см. [Азадовский 1936: 149; Плетнева 2016: 476]. Но поскольку тексты совпадают, это не столь уж и важно. Мы будем цитировать этот текст по изданию Д. А. Ровинского.

⁸ [Пушкин 1977–1979, IV: 315].

⁹ [Ровинский I: 181].

бочном тексте в соответствующем месте мы находим выражение: «Между тем плавали они в бочке долгое время, и королевичи росли не по годам, а по часам» [Ровинский I: 181]. У Пушкина выражение «расти не по годам, а по часам» заменяется на «расти не по дням, а по часам». Следует отметить, что это совпадение не является однозначным свидетельством влияния «Сказки о трех королевнах», поскольку сочетания «расти не по часам, а по минутам», «расти не по дням, а по часам» встречаются и в устных версиях сюжета об оклеветанной жене [Волков 1960: 96–97]. То есть это выражение могло быть заимствовано как из фольклора, так и из лубочного текста.

Более надежное свидетельство влияния «Сказки о трех королевнах» содержится в эпизоде, где подросший царевич вышибает дно бочки, в котором он с матерью плавал по морю, и выходит на свободу.

Сказка о царе Салтане¹⁰

Сын на ножки поднялся,
В дно головкой уперся,
Понатужился немножко:
«Как бы здесь на двор окошко
Нам проделать?» — молвил он,
Вышиб дно и вышел вон.

Сказка о трех королевнах¹¹

И королевичи, упершись в дно,
вышибли оно, потом вышед
все на остров, построили себе
отменной терем.

Обращает на себя внимание не только сюжетное, но и фонетическое сходство этих фрагментов: «вышиб дно и вышел вон» и «упершись в дно, вышибли оно, потом вышед...». Такие совпадения не могут быть случайностью, и у нас есть все основания говорить о непосредственном влиянии. К этому следует добавить, что примеры из фольклорных текстов, перекликающиеся с этим выражением, неизвестны.

IV.

Проблема влияния лубочной книжности на тексты русских писателей еще только поставлена, и имеющегося материала явно недостаточно для того, чтобы можно было делать какие-то общие выводы. Очевидным кажется лишь то, что лубочная литература давала писателям огромный материал, который мог использоваться разными способами и с разными целями.

¹⁰ [Пушкин 1977–1979, IV: 316].

¹¹ [Ровинский I: 181].

В одних случаях мы имеем дело с обработкой общеизвестных сюжетов лубочных листов, как, например, в гоголевском «Носе». По всей видимости, аналогичным образом использует лубочную картинку И. А. Крылов в басне «Слон и Моська». События, описанные в этой басне, очень напоминают лубок «Персидский слон, привезенный в Москву в 1796 году», где изображен слон, глазающие на него зеваки и маленькая собачка, которая лает на слона. Если не обратить внимания на дату события, то лубочная картинка может быть принята за иллюстрацию басни Крылова. Хотя на самом деле картинка, посвященная событиям 1796 г., является не иллюстрацией, а скорее источником басни, написанной в 1808 году.

В других случаях писатели видели в лубочной литературе тот образец народной словесности, который позволил бы литературному языку освоить новые стилистические возможности. Именно для этого обращался к лубку А. С. Пушкин. При этом из лубочного текста он заимствовал не только сюжеты, но и каламбуры, рифмованные прибаутки и экзотические имена.

Рис. 2. Лубочная картинка «Персидский слон, привезенный в Москву в 1796 году»

Fig. 2. Lubok print «Persian Elephant, Brought to Moscow in 1796»

Источники

Гоголь I–IX — *Гоголь Н. В.* Собрание сочинений: В 9 т. / Сост., подг. текста и коммент. В. А. Воропаева, И. А. Виноградова. М.: Русская книга, 1994.

Кирша Данилов 1977 — Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым / Подготовка текста и комментарии А. П. Евгеньева и Б. Н. Путилова. М., 1977.

Майков 1899 — *Майков Л. Н.* Пушкин: Биографические материалы и историко-литературные очерки. СПб.: Л. Ф. Пантелеев, 1899. 430 с.

Некрасов V — *Некрасов Н. А.* Полное собрание сочинений и писем: В 15 т. / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. дом); редкол.: М. Б. Храпченко (гл. ред.) и др. Т. V. Л.: Наука, 1982. 687 с.

Пушкин 1977–1979, I–X — *Пушкин А. С.* Полное собрание сочинений в десяти томах / [Примеч. проф. Б. В. Томашевского; АН СССР, Институт русской литературы (Пушкинский дом)]. 4-е изд. Л.: Наука, 1977–1979.

Ровинский I–V — *Ровинский Д. А.* Русские народные картинки. Т. I–V. СПб.: Тип. Акад. наука, 1881.

Старая погудка 1795 — Старая погудка на новый лад, или Полное собрание древних простонародных сказок. Издана для любителя оных, иждивением московского купца Ивана Иванова. Часть 1. М.: А. Решетникова, 1795.

Чернышевский 1953 — *Чернышевский Н. Г.* Очерки гоголевского периода русской литературы. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1953. 424 с.

Литература

Азадовский М. К. Источники сказок Пушкина // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии / АН СССР, Институт литературы. Вып. 1. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1936. С. 134–163.

Виноградов В. В. Натуралистический гротеск (Сюжет и композиция повести Гоголя «Нос») // Избранные труды: Поэтика русской литературы / Отв. ред. М. П. Алексеев, А. П. Чудаков. М.: Наука, 1976. 512 с.

Волков Р. М. Народные истоки творчества А. С. Пушкина. Баллады и сказки. Черновцы: [б. и.], 1960. 236 с.

Гессен С. Я. Книгоиздатель Александр Пушкин. Литературные доходы Пушкина. Л.: Асадемия, 1930. 148 с.

Гриц Т., Тренин В., Никитин М. Словесность и коммерция. Книжная лавка А. Ф. Смирдина. М.: Аграф, 2001. 304 с.

Капица Ф. С. «Богатырская голова» в «Повести о Еруслане Лазаревиче»: происхождение образа // Вестник славянских культур. Вып. XXV. Том 3. М., 2012.

Манн Ю. В. Поэтика Гоголя. Вариации к теме. М.: Coda, 1996. 434 с.

Плетнева А. А. Повесть Н. В. Гоголя «Нос» и лубочная традиция // Новое литературное обозрение. № 61 (2003). С. 152–163.

Плетнева А. А. Лубочная библия: язык и текст. М.: Языки славянской культуры, 2013. 392 с.

Плетнева А. А. Лубочные источники пушкинской «Сказки о царе Салтане» // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. IX. История русского языка и культуры. Памяти В. М. Живова. М., 2016. С. 468–481.

References

Azadovskii M. K. [Sources of Pushkin's Fairy Tales]. *Pushkin: Vremennik Pushkinskoi komissii* [Pushkin: Temporary Pushkin Commission]. AN SSSR, Institute of Literature. Vol. 1. Moscow–Leningrad, AS USSR Publ., 1936. P. 134–163. (In Russ.)

Gessen S. Ya. *Knigoizdatel' Aleksandr Pushkin. Literaturnye dokhody Pushkina* [Publisher Alexander Pushkin. Pushkin's literary incomes]. Leningrad, Academia Publ., 1930. 148 p.

Grits T., Trenin V., Nikitin M. *Slovesnost' i kommertsiya. Knizhnaya lavka A. F. Smirdina* [Literature and commerce. Bookstore of A. F. Smirdin]. Moscow, Agraf Publ., 2001. 304 p.

Kapitsa F. S. ["The Bogatyr's Head" in "The Tale of Eruslan Lazarevich": the origin of the image]. *Vestnik slavyanskikh kul'tur*, 2012, no. 3 (25). (In Russ.)

Mann Yu. V. *Poetika Gogolya. Variatsii k teme* [Poetics of Gogol. Variations to the subject]. Moscow, Coda Publ., 1996. 434 p.

Pletneva A. A. *Lubochnaya bibliya: yazyk i tekst* [Lubok Bible: Language and Text]. Moscow, Yazyki slavyanskoï kul'tury Publ., 2013. 392 p.

Pletneva A. A. [Lubok roots of the Tales of Tsar Saltan]. *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova. IX. Istoriya russkogo yazyka i kul'tury. Pamyati V. M. Zhivova* [Proceedings of Vinogradov Russian Language Institute. IX. History of Russian language and culture. In the memory of V. M. Zhivov]. Moscow, 2016. P. 468–481.

Pletneva A. A. [The Novel by N. V. Gogol "The Nose" and the Lubok Tradition]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 61 (2003). P. 152–163.

Vinogradov V. V. Naturalistic Grotesque (The Plot and Composition of the Novel "The Nose" by Gogol). *Izbrannye trudy: Poetika russkoi literatury* [Selected Works: Poetics of Russian Literature]. Ed. M. P. Alekseev, A. P. Chudakov. M.: Nauka, 1976. 512 p. (In Russ.)

Volkov R. M. *Narodnye istoki tvorchestva A. S. Pushkina. Ballady i skazki* [Folk Roots of Works by A. S. Pushkin. Ballads and Tales]. Chernovtsy: [w. p.], 1960. 236 p.